

„РУСЛАНЪ“

на сцене Марининскаго театра
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Дирекция Императорскихъ театровъ исполнила свой долгъ передъ Галицкой и она это оправдываетъ — шла въ Москву, другая въ Петербургъ — исполнилось, впервахъ, согласно указаниямъ комиссара и, впрямь того, поставлены обе не только очень тщательно, но и роскошно, въ особенности Руслака и Людмила въ Петербургъ.

Долго работала Марининскій театр, — былъ лучше сказать его дирекция, — подъ постановкой великаго создателя Галицы, но работа пошла широко и Петербургскимъ сцена, по справедливости, можетъ гордиться художественной постановкой и обильною оригинальностью въ актахъ исполнения Руслака. Между прочимъ, постановка оперы Галицы можетъ служить яркимъ типомъ, насколько въ средѣ театральной дирекции, сравнительно съ провинциями, широко художественное сознание и повышенная задача искусства. Когда намъ приходилось слышать объ уваженіи къ авторитету Галицы по отношению къ его операмъ, то это не было голосомъ вопиющего въ пустыни въ традиция рутинны стесненности, заискуемой ставкой, не дозволившему здравому художественному смыслу проявиться въ тѣсно-замкнутой средѣ театрального управленія. Потому какъ-то разомъ все изменилось, и эта дирекция пригласила ведущихъ людей для обсужденія вопросовъ о задуманномъ обновленіи оперы Галицы, то въ защиту рутинны, именовавшейся „традицій“, не нашлось ни одного голоса даже въ той средѣ, которой она много лѣтъ служила архаическимъ и ослеплымъ.

Дирекция Императорскихъ театровъ выступила въ своей деятельности на новый путь, для по которому, можно и даже далеко опередить все европейскія сцены, ибо материальныя средства, выходящіяся въ распоряженіе дирекции, вполне дозволяютъ это. Что касается личной красоты и бо-

лезности постановки, то, благодаря таланту Императорскихъ оперныхъ сценъ и теперь ездилъ въ оперный и театральны, отъ себя двинуть впередъ искусство нельзя сцену, и хотя въ этомъ условіи достигнута трудная, но при важности доброй воли и зрѣлыхъ условій и ждешь не застаивать себе лѣтъ.

Первое представленіе возобновленнаго Руслака состоялось 10 декабря. Въ этотъ вечеръ партеръ и ложа Марининскаго театра представляли не совсемъ обычный видъ. Обыкновенная публика первыхъ представленій, платная-называемый tout Petersburg, собралась къ второму дѣйствію, вслѣдъ заходяго обвала, а она не ограничить занавѣсъ, въ этой рядовой толпѣ слышеть всеобщій говоръ, едва затихающій только вслѣдъ первыхъ звуковъ оркестра. Въ дебютный 10 декабря хотя и не было недостатка въ парадныхъ туалетахъ и украшенияхъ, темъ не менѣе возмущало насъ то серьезное, сосредоточенное настроеніе; кромѣ того, публика собралась раньше обыкновеннаго и, несмотря на то, къ началу спектакля было назначено въ 7¼ часовъ, то есть получасомъ раньше обыкновеннаго, темъ въ этому времени была открыта ничья поля.

Впрочемъ, ускоренно начали 10 минутами позже назначеннаго и сыграло ее съ чрезвычайнымъ бrio, хотя темпъ показавшея намъ кажется слишкомъ быстро, что, впрочемъ, мало случаевъ показатъ прехорошій составъ и дисциплинованность оркестра, ибо, несмотря на быстроту движенія, все прошло чрезвычайно отчетливо и ясно.

Когда занавѣсъ поднялся, открылась роскошная картина. Обширнѣе выдѣла дворца Сибирова позволила въ грубыхъ, массивныхъ столбахъ, съ прилегающею живописью на стѣнахъ, съ шпированными окнами въ глубинахъ сцены, черезъ которые открывалась темная даль. Центральный главный столбъ возвышался въ глубинахъ, на возвышеніи, а отъ него по бокамъ и во средній или въ правснцій столбы и стоечки, за которыми свѣтили гости Блескъ и стилистичность интрьеръ, а также красавица группировка гостей представляли прекрасное зрѣлище, вполне гармонированное съ тономъ

музыки. Всю эту декорацию и подборъ элементовъ нужно признать очень удавшимся. Музыкальное исполненіе было также прехорошдое; хотя и на Москвитинскій и очень хороша, но несомненно приходится отдать преимущество Петербургскому за естественную свободу и мягкую послѣдовательность въ отпущеніи.

Партия Баласа пѣла г. Аглицкой, которая въ вокализъ и красивымъ голосомъ. Относительно спелости партия Баласа, мы думаемъ, что это вынуждено вынуждено древнимъ старшемъ, ибо весь тонъ музыки требуетъ связи звучности голоса и мощного озвучиванія живописнаго свѣта. Изъ балетны мы знаемъ о несколькихъ вытѣхахъ — пѣвцахъ, бывшихъ прадѣромъ князя Владимира; омины изъ танка, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ выводить изъ Баласа.

Что касается вокального исполненія партия, то г. Аглицкой пѣла ее неудурно, только съ малымъ изысканностью выраженія. Особенно не повредила намъ первая речитатива; вообще речитатива эта декламаторная равнодушно пѣнія, а безконечной-противящій речитативъ г. Аглицкой былъ уже изымать съ сверхъестественнаго, весьма задушевнымъ и довольно прекраснымъ въ смыслѣ музыкальной формы. Но речитативъ, по несомнѣннымъ исключеніямъ, вообще составляють большое мѣсто русскія опера.

Партия Людмила исполнила гнае Болонья, но при первомъ актѣ прошла и вен не особенно удачно. Артистка пѣла ее толкомъ и на, но въ этомъ былъ нѣтъ, в главный недостатокъ заключался въ случайной неопределенности манеры исполненія.

Хоръ „Дѣла таинственный“ пропеть отличенъ. Показаніе Людмила и партия Черносора съдѣломъ было эстетико, а въ „Дѣла таинственный“, одиной же сцену. Какъ бы „Кавое чудное мѣсто“ пропеть очень хорошо и ритмически выдѣлано, быть-можетъ втому, что с Наврошнѣе не смущаетъ исполненіемъ. Обширнѣе возмущаетъ, какъ дѣлать и насъ, въ Москвитин. Сомнѣнныя иже пропеть и значительный ансамбль, благодаря чрезвычайно легкому ансамблименту, въ затлуживаніи на одной нотѣ пѣвцовъ.

